

Е. А. Цуканов

Краткий курс пневматологии в романе Федора Достоевского «Идиот»

В статье репрезентируется идея того, что целостное и максимально адекватное представление о романе Достоевского «Идиот» у аналитика складывается лишь при учете пневматологического уровня данного сочинения. Речь идет, прежде всего, о базовой аллегории основного действующего лица романа, Льва Николаевича Мышкина, со Святым Духом, Параклетом-Утешителем, явившимся в мир с сотериологическим заданием. Данные глубинные интуиции автора, предположительно, имеют не вполне канонический характер, восходя к раннехристианскому гнозису Оригена Александрийского. Родственный тип спиритуализма обнаруживается также и в творчестве ренессансных мыслителей.

Ключевые слова: роман «Идиот», Дух, сознание, неопределенность, Бытие, Ничто, выбор, неразличение добра и зла, границы дозволенного.

Для цитирования: Цуканов Е. А. Краткий курс пневматологии в романе Федора Достоевского «Идиот» // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 1. – С. 145–157. DOI 10.35231/25419803_2023_1_145

Потому, брат, дух...
Рогожин – князю Мышкину

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868 г.) по умолчанию является одним из сильнейших в идейном отношении произведений автора. В связи с этим в гуманитарной науке нет недостатка [2] в различных смысловых версиях-интерпретациях данного литературного шедевра, занимающего почетное место среди прочих классических памятников мировой художественной мысли. Одним из до-

минантных направлений герменевтического анализа романа «Идиот», разумеется, становится религиозная линия, логически вытекающая из поведения главного героя – князя Мышкина, чаще всего уподобляемого исследователями Христу, как идеал светской кротости и безропотного смирения. Однако, нам представляется, что расхожая аналогия Льва Николаевича со Спасителем, хотя и может быть признана по некоторым критериям вполне уместной, в то же время не является достаточно корректной. В рамках данной статьи будет сделана попытка пневматологической дешифровки текста произведения, что означает феноменологическое вскрытие имплицитно заложенных Ф. М. Достоевским в перипетии сюжета и богатую систему образов тонких интуиций на тему Духа Святого как главного побудителя разворачиваемых коллизий (с греч. πνεῦμα – дух).

Материалы и методы

Как известно, автор «Идиота» в процессе жизни регулярно испытывал приступы экзальтированного наития, экстаза, которые многие путали с эпилепсией как медицинским диагнозом, утилитарно поставленным врачами [3, с. 41]. Припадки случались регулярно и уже этот кейс выделял Ф. М. Достоевского на общем фоне литературной богемы XIX века. Современниками они могли читаться как свидетельство божией отмеченности или дар пророчества, но и то, и другое в контексте евангельской культуры толковалось тогда как связь с третьей ипостасью Пресвятой Троицы. Думается, что и сам писатель мучился проблемами собственной духовной неординарности, в работе и через работу постигая природу Параклета (с греч. – Утешитель, одно из имен Св. Духа).

Сразу стоит оговорить принципиальный момент: достоевщину вообще и каждое произведение Достоевского, в частности, не дозволительно признавать в качестве ортодоксально христианского православного нарратива. Эту особенность подметил еще Николай Бердяев, назвав творческий почерк писателя недопустимым «опытом прохождения через раздвоение и тьму» [1, с. 504]. С другой стороны, Константин Леонтьев в статье «О всемирной любви» [7, с. 412] причислял Достоевского к «розовым христианам», имея в виду выраба-

тываемое им сентиментально-легкомысленное, явно спекулятивное, разбавленное, лирическое христианство-лайт. То есть в значительной степени облегченный и, соответственно, деформированный вариант библейско-новозаветной доктринальности, сладенький жиденький сиропчик, настоянный на ней. Добавим, что действительно Достоевский всякий раз в своих фундаментальных вещах как бы добровольно и с удовольствием балансирует между каноном и ересью, углубляясь в такие глубины, которые имели бы право нарекаться, выражаясь языком Льва Карсавина, «глубинами сатанинскими» [5, с. 73–94]. Тем не менее, как бы то ни было, а писателя, серьезно аффектированного духовным инвентигейтерством, иногда доходящим до одержимого сталкерства, приходится оценивать согласно тем законам, которые он сам для себя признает или даже создает. В связи с чем уникально-пневматологическая позиция Достоевского должна быть, как минимум, подробно и в деталях дискрибирована с целью более глубокого понимания авторских установок сознания, для которых была характерна повышенная эксцентрика. В этом нам поможет метод АСТ (акторно-сетевой теории) Бруно Латтура [6], который при анализе данных принимает в расчет мельчайшие, едва регистрируемые флуктуации сути, исходящие из подчас самых невообразимых источников, обычно принимаемых за аутопоэтическую погрешность.

Результаты

Для порядка напомним общие контуры сюжета романа «Идиот», которые помогут разобраться в исследуемой проблематике. В Петербург из Швейцарии приезжает молодой аристократ по фамилии Мышкин, после чего светское общество российской столицы в буквальном смысле слова обретает состояние духоподъемной взбудораженности, теряя спокойствие и приступая к активному поиску Истины, выражаемому в получении навыков видеть то, что скрывалось доселе за завесой мнимой стабильности и рутины. Каждый герой романа благодаря князю открывает для себя и в себе подлинный расклад вещей, что зачастую бывает сопряжено с мучительными душевными терзаниями и признаниями. Мышкин способствует одному психическому перевороту

за другим, вынуждая уважаемых господ вокруг себя исповедоваться в пороках и преступлениях, тем самым очищая их духовно. Князь-одухотворитель умело пользуется в своей в общем-то священнической миссии услугами падшей женщины – Настасьи Филипповны, – которая многое пережила и «ужасно страдала» [4, с. 42]. Впрочем, именно Мышкин обеспечивает своей protegee скоропостижный летальный исход, что наводит на мысль о наличии какого-то неисчерпаемого и метаразностороннего спектра качеств данного героя, из которых соткана его противоречивая личность. Финалом истории становится возвращение Мышкина в Швейцарию, причем, важно сказать, что это именно горная часть страны: спуск князя с головокружительной альпийской кручи на грешную землю в прологе и обратный его подъем на божественную верхотуру в развязке словно намекают нам на не вполне человеческую роль данного субъекта действия.

О том, что Мышкин есть метафора самого Святого Духа, находим косвенные свидетельства у профильных специалистов в области богословской экзегетики, посвященной раскрытию тринитарных вопросов. Павел Флоренский, например, пишет, что «...все святые отцы и мистические философы говорят о важности идеи Духа в христианском мировоззрении, но почти никто не выясняет чего-либо отчетливого и решительного» [18, с. 113]. Почему же? Просто дело в том, что природа данной реальности, – ускользающая. Похоже, что Дух Святой есть принцип Неопределенности, в котором парадоксально заложено всё, – даже и то, что онтологически отсутствует. Почему Мышкин – это Параклет? Попробуем не торопясь порассуждать об этом. Во-первых, он всё понимает и всё прощает. Именно ВСЁ, в том смысле, что нет никакого греха, никакого мрачного закоулка человеческой психики, которые не вызвали бы у князя приступа умиления и нежности. Во-вторых, наш князь постоянно находится в ментальной полупозиции, формулируемой при помощи довольно уклончивой лексики, типа «не знаю», «не уверен», «с другой стороны», «впрочем», «однако», «хотя и...» и т.п. Пример – его ответ Аглае в момент их разговора с нею, посвященном перспективам возможного бракосочетания. Аглая задает резонный (вполне конкретный, определенный)

вопрос: «Позвольте же спросить вас, князь, если вы "питае-те такие намерения", то чем же вы именно полагаете составить мое счастье?» [4, с. 581], на который князь только мычит и мямлит нечто невнятное и невразумительное: «Я не знаю, право, Аглая Ивановна, как вам ответить; тут... тут что же отвечать? Да и... надо ли?» [4, с. 581]. В-третьих, Мышкин – круглый дилетант, что иллюстрируется ситуацией, когда Аглая выдвигает князю, читающему прессу, претензию: «Знаете ли, – сказала ему раз Аглая, прерывая газету, – я заметила, что вы ужасно необразованны; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у вас: ни кто именно, ни в котором году, ни по какому трактату? Вы очень жалки» [4, с. 586]. И это, в-четвертых, очевидно, подтверждение коммуникативного замешательства по-настоящему возвышенного и одухотворенного сердца, встретившегося с ситуацией необходимости делать четкий выбор. Оно не может предпочесть однозначность в связи с утратой одухотворенности в таком случае. Читателя подталкивают к принятию положения, что духовность человеческая есть непринужденное подражание Духу Святому, который, как известно, свободно «иде же хочет, дышит» (Ин. 3:8), то есть имеет обитель везде – и в черном, и в белом; и в грязном, и в чистом; и в высоком, и в низменном. Конкретно здесь князь, однозначно согласившись на брак с Аглаей, тут же терял бы возможность любить Настасью Филипповну. А он хочет любить их обеих, и даже более того, – любить всех, кого заблагорассудится. «Всё мне позволено, но не всё полезно» – звучит в дополнение к тайне действия Духа Святого обертон апостола Павла (1 Кор. 6:12). Если акцент не переносить на запретительную часть тезиса, получается, что делать разрешается вообще всё, потому что ВСЁ ведь – творение Божье. Однако ВСЁ есть в то же время и инверсивный аналог НИЧТО, поэтому и предупреждение об опасности – осторожно, «не всё полезно»!

Были ли у позиции Достоевского культурно-философские основания, вмещавшие приведенные, внешне несоединимые, крайности? Были. А. Ф. Лосев в «Эстетике Возрождения» называет Николая Кузанского, католического кардинала и оригинального мыслителя эпохи Ренессанса, разработчиком амбициозного учения о «сходстве проти-

воположностей», по некоторым параметрам роднящего его с «почти сатанистом» (sic!) Джордано Бруно [12, с. 88]. Из коего с необходимостью вытекает предположение, что у Бытия в приоритете не плюс или минус по отдельности, но напряжение, которое они создают фактом оксюморонного сотрудничества друг с другом. В данном разрезе ценно именно энергетическое поле, возникающее на пересечении и во взаимопереходе между ними. Нас искушают Бытием, которому фатально необходимо участие зла в конструировании жизненной динамики. Под стать Кузанскому также теория «двойной истины» Помпонацци, и даже учение о «восхождении форм» Бонавентуры [11, с. 166–167], в котором тот обосновывал откровенно юродский тезис поправки всякого категориального умствования в Духе и восхождения **supra se** (с лат. – выше себя) через буйное помешательство.

Еще раз: согласно Достоевскому, выходит, что мы оскорбляем-де Духа Святого тем и тогда, когда снижаем потенциал духовности до узкой щели «нельзя то», «нельзя это», когда табуируем наше поведение до мелочной установки «ты туда не ходи, ты сюда ходи». Не означает ли это, что так мы только путаем и подменяем духовность нравственностью? Дух захватывает всегда именно от того, что я в принципе со своей индивидуальной экзистенцией могу делать всё, что захочу: тогда через тревожный трепет поправки нормы мне открывается великий источник креативности. А когда лишь подчиняешься условным правилам, таланты неминуемо зарываются в землю? У Достоевского так. Дух – это прежде всего Дух Неопределенности! Он и Утешителем, видимо, именуется потому, что врачует раны пластырем небесного равнодушия и безразличия, которые могут считаться спутниками Неопределенности... Неопределенности, как представительницы благого Ничто в нашем материальном недо-мире. Душа того, кто жалеет (=понимает) всех, – ровно дышит в отношении любого поведенческого императива. Не в этом ли, по Достоевскому, тайна непостижимой любви к врагам? Чуткое ухо услышит здесь переключку с гениальным, но мутным Тарковским. «Тоже мне грешники», – сокрушается его кинематографический Андрей Рублев, стоящий перед необходимостью нарисовать душераздирающую сцену Страшного Суда,

но не может. Руки не пишут эту «мерзость», потому как для Бога даже самое зверское убийство – шалость ребенка, который не ведает, что творит. «Memento mori», – это, разумеется, про Него, однако же и то, что «Он – Бог не мертвых, но живых» (Лк. 20:38) должно братья в расчет. Иными словами, смерти в данной философской оптике попросту нет. Потому Бог и прощает своих палачей на кресте. И отпускает им. Потому на настоящих иконах мучители не имеют остервенелых лиц, будучи частью преображенной Духом действительности [17, с. 188]. Все обречены на радостную и горячую встречу в Вечности. Всем гарантирован итоговый Праздник.

Настоящая Неопределенность есть *дар неразличения*, в каком-то смысле, – *дар незнания!* По данной логике Дух Святой должен быть ярим антагонистом всякого рода незыблемых и твердых классификаций. Дух горяч и мобилен: его не привяжешь к какой-то системе координат, потому как он Животворен! В этом плане духовно обделенными выглядят, к примеру, гностики с их громоздкими застывшими схемами бесконечных эонов как бы умерщвляющих живое и огнедышащее Бытие, пригвождая его к отвлеченной таксономии. Гностицизм прочно приколачивает к школьной доске свои непреложные аксиомы: все устроено только так, и никак иначе. Мир, дескать, это всего-то 365 элементов-эманаций и точка в конце [13, с. 146]. Но ведь сохраняющий пульсацию универсум каждый день, каждый час и каждую секунду подвержен изменениям и трансформациям. И то, что вчера еще было злом, сегодня пролило слезы раскаяния и, как апостол Павел, встало в строй добра. И наоборот. В одну реку нельзя ведь вступить дважды. Такая сложная нюансировка присутствует в богословском творчестве Оригена Александрийского, предположившего еще в III веке, что Бог настолько благ и любвеобилен, что в Его хозяйстве в случае покаяния даже дьявол спасется [13, с. 130]. И если рассмотреть творчество Достоевского с этого ракурса, то оно несомненно окажется пропитанным интенциями анафематствованного оригенизма.

Данные рассуждения в своей крайней форме в состоянии, как будто бы даже, подорвать и авторитет всей современной цивилизации, выстроенной на педантичной точно-

сти и строгости научных знаний: любой объект здесь вписан в жесточайшую метрическую систему, ему присвоен уникальный кадастровый номер, соответствующий координатам широт и долгот. Но получается, что именно этот неотъемлемый фундамент строгих научных знаний свидетельствует о бездуховности нашей цивилизации, связанной по рукам и ногам определенными консенсусными величинами. Есть во всем этом система, – сказал бы, наверное, Достоевский, но нет жизни. Не потому ли такие физики, как Альберт Эйнштейн с его теорией Относительности, Нильс Бор с принципом Дополнительности, Вернер Гейзенберг с принципом Неопределенности, как-то слабо вписываются в устоявшийся эталон науки как таковой. Они, скорее, – представители анти- и контрнауки, т.к. взрывают ее затвердевшую кору изнутри, как бы говоря о том, что общеизвестные знания – лишь для отвлечения внимания простаков. Какой прок человеку от того, что он знает теперь, что чайник кипит при температуре 100 градусов по Цельсию, а Духа Святого утратил, не простираясь дальше этой стандартизированной рамки? За пределами же заученного сциентизма может быть распростерта бездна неведомого, от которой нас только чайник и заслоняет. Подобный взгляд на науку напоминает концепцию хинтерланда Джона Ло, постулировавшего, что за фасадом хорошо структурированных и отфильтрованных знаний в запасе всегда таится нечто еще. Наподобие замаскированных резервных армий [8, с. 323–327].

Казус Мышкина дает, кстати, возможность по-новому интерпретировать хрестоматийный феномен Буриданова осла. Несчастное животное, как известно, умерло от того, что не смогло определиться с выбором какого-то одного варианта отскриданного сена. Но ведь настоящий Дух никогда не дает выбора, он его прямо-таки запрещает, антиномично вмещая в поле своего действия все противоположности! ВСЕ! И ЛЮБЫЕ! Духовный иерофант, как мы помним на примере князя (который позиционируется парадоксальной фразой «и хорош, и дурен» [4, с. 627] сразу), бессилен перед выбором (англ. impotent). Выбор есть маркер обывательщины, а Буриданов осел, очень может стать, – не менее важный символ инфернального всемогущества Параклета.

Удивительно, как в описываемую модель функционирования Духа укладывается публичное поведение некоторых современных одиозных политиков, обязанное по законам элементарной логики быть признанным абсурдом. Но неопределенные по своему смыслу речевые обороты Виталия Кличко, наподобие «в завтрашний день смотреть могут не только лишь все»¹, или же перлы от Аннылены Бербок о «необходимости разворота России на 360 градусов»² также достойны рассмотрения в рамках данной темы. Антиномическое желание указанных спикеров как бы усидеть на двух стульях и стянуть в единый узел противоположные и взаимоисключающие позиции, с одной стороны, рождает шизофренический дискурс расколотости сознания, но с другой – именно это и дает Кличко с Бербок возможность за счет тотальной неубедительности продолжительное время занимать ответственные должности, ибо избирателям остается только догадываться, что на самом деле у амбивалентно одаренных фриков в голове.

Давно подмечено [9, с. 275–276], что сумасшедшим в любой, даже самой драматической ситуации, математически всё равно. Из чего, постигая Достоевского, можно сделать эпатажный вывод, что они, как ни странно, ближе к Духу, который также божественно безразличен. Об этом учил Анаксимандр, обосновывая концепцию аморфно-беспредельного апейрона [12, с. 99], и, судя по всему, знал Ницше, употребляя на закате дней собственную урину [16, с. 315]. В свете всепримиряющей Вечности – что воля, что неволя, что добро, что зло, что ум, что глупость, – не важно. Не потому ли мы часто в истории проигрывали нашим бывшим «западным партнерам», для которых «война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила» [14, с. 99]? И лишь в короткие мгновения истории, когда терпеливые русские бывают в состоянии возвыситься до метафизического безразличия атлантистов, они, отбросив любые рамки приличия, входят в Берлин или Париж. Аффективный, бескачественный апейрон как драйвер победы и лидерства? Побеждает, по традиции, мировоззренческая безбрежность, то есть центр силы, утративший очертания объектов? Кто ни-

¹ Кличко издал сборник своих цитат // ТАСС. Электронный ресурс. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10104995> (дата обращения: 12.10.2022)

² Пушков назвал позором слова Бербок о повороте России на 360 градусов // REGNUM. Электронный ресурс. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/3781876.html> (дата обращения: 12.10.2022).

чего не теряет, так как, в сущности, ничего и не ищет. Не в этом ли урок Достоевского? В Неопределенности и Приблизительности – нирваническое Совершенство. Но как только в дело вступает Точность и Выверенность, Ясность и Четкость, ВСЁ распадается, низводясь до статуса чего-то отдельного от Совершенства. Рациональная Трезвость, Мера, Расчет есть всего лишь обрезы и осколки Единого Бытия. Такой вывод напрашивается из беспристрастного ознакомления с экстремальными идеями Достоевского.

Обсуждение и выводы

В заключение приведем еще одну весьма показательную цитату из романа «Идиот». «...ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума», – провокационно заявляет князю Мышкину большой чахоткой Ипполит. Существующая философская традиция позволяет усматривать в уме (греч. нус) плацебо Духа [11, с. 175], которому априори известно всё, включая немислимое. Мир, не загнанный силой в клетку лимитированного познания, беременен любыми процессами и событиями. В потенции здесь возможно абсолютно всё, что автоматически отключает опцию удивления. В подлинном Бытии нет невозможных вещей, иначе это какое-то усеченное Бытие, вернее, – бытие с маленькой буквы. Князь Мышкин, по замечанию Евгения Павловича Радомского, еще одного героя анализируемого произведения, был наделен «феноменальным отсутствием чувства меры» [4, с. 656] и именно это качество, очевидно, вызывало повышенную симпатию и интерес Достоевского, не прекращавшего в течение жизни попыток преодоления границ дозволенного.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. – М.: Э, 2016. – 512 с.
2. Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: история и типология понимания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 194–200.
3. Гроссман Л. П. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 605 с.
4. Достоевский Ф. М. Идиот. Роман в четырех частях // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в десяти томах. – М.: Государственное

издательство художественной литературы, 1957. – Т. 6. – 736 с. Все цитаты приводятся по этому изданию.

5. Карсавин Л. П. Глубины сатанинские (Офиты и Василид) // Карсавин Л. П. Сочинения. – М.: Раритет, 1993. – С. 73–94.

6. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: сборник статей. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 199–222.

7. Леонтьев К. О всемирной любви // Храм и Церковь. – М.: АСТ, 2003. – С. 389–426.

8. Ло Джон. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Институт Гайдара, 2015. – 352 с.

9. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 406 с.

10. Лосев А. Ф. Нус // Лосев А. Ф. Словарь античной философии. – М.: Мир идей; АКРОН, 1995. – С. 172–179.

11. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.

12. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

13. Ориген. О Началах // Ориген. О Началах. Против Цельса. – СПб.: Библиополис, 2008. – С. 35–402.

14. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе. – М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2003. – С. 95–338.

15. Поснов М. Э. До-христианский гностицизм // Гностики или о «лжеименном знании». – Киев: УЦИММ; ПРЕСС-ИСА, 1996. – С. 125–170.

16. Придо С. Жизнь Фридриха Ницше. – М.: КоЛибри; Азбука Аттикус, 2020. – 400 с.

17. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Издательство Братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. – 656 с.

18. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.

Evgeny A. Tsukanov

A Short Course in Pneumatology in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Idiot"

The article represents the idea that an analyst develops a holistic and an adequate idea of Dostoevsky's novel "The Idiot" only when the pneumatological level of this essay is taken into account. We are talking, first of all, about the basic allegory of the main character of the novel, Lev Myshkin, with the Holy Spirit, Paraklet-Comforter, who appeared in the world with a soteriological task. These deep intuitions of the author, presumably, are not entirely canonical in

nature, dating back to the early Christian gnosis of Origen of Alexandria. A related type of spiritualism is also found in the work of Renaissance thinkers.

Key words: novel "The Idiot", Spirit, consciousness, uncertainty, Being, Nothing, choice, indistinguishment of good and evil, boundaries of what is allowed.

For citation: Tsukanov, E. A. (2023) Kratkij kurs pnevmatologii v romane Fedora Dostoevskogo "Idiot" [A Short Course in Pneumatology in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Idiot"]. *Art Logos – The Art of Word*. № 1. Pp. 145–157. (In Russian). DOI 10.35231/25419803_2023_1_145

References

1. Berdyaev, N. A. (2016) *Russkaya ideya. Mirosozercanie Dostoevskogo* [Russian idea. Dostoevsky's worldview]. Moscow: E Publ. (In Russian).
2. Borisova, V. V. (2018) *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: istoriya i tipologiya ponimaniya* [The novel by F. M. Dostoevsky "Idiot": history and typology of understanding] *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal – Dostoevsky and world culture. Philological journal*. № 4. Pp. 194–200. (In Russian).
3. Grossman, L. P. (1965) *Dostoevskij* [Dostoevsky]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
4. Dostoevskij, F. M. (1957) *Idiot. Roman v chetyrekh chastyah* [Idiot. A novel in four parts] Dostoevskij F. M. *Sobranie sochinenij v desyati tomah*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. Vol. 6. Vse citaty privodyatsya po etomu izdaniyu. (In Russian).
5. Karsavin, L. P. (1993) *Glubiny sataninskie (Ofity i Vasilid)* [Satanic Depths (Ophites and Basilides)] Karsavin L. P. *Sochineniya* [Karsavin L. P. Works]. Moscow: Raritet Publ. Pp. 73–94. (In Russian).
6. Latur, B. (2006) *Gde nedostayushchaya massa? Sociologiya odnoj dveri* [Where is the missing mass? Sociology of one door] *Sociologiya veshchej: sbornik statej* [Sociology of things: a collection of articles]. Moscow: Territoriya budushchego. Pp. 199–222. (In Russian).
7. Leont'ev, K. (2003) *O vseмирnoj lyubvi* [About universal love] *Hram i Cerkov'* [Temple and Church]. Moscow: AST Publ. Pp. 389–426. (In Russian).
8. Lo, Dzh. (2015) *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After Method: Disorder and Social Science]. Moscow: Institut Gajdara. (In Russian).
9. Lombrozo, CH. (2006) *Genial'nost' i pomeshatel'stvo* [Genius and insanity]. Moscow: RIPOl klassik Publ. (In Russian).
10. Losev, A. F. (1995) *Nus* [Nus] Losev A. F. *Slovar' antichnoj filosofii* [Losev A. F. Dictionary of ancient philosophy]. Moscow: Mir idej; AKRON. Pp. 172–179. (In Russian).
11. Losev, A. F. (1978) *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
12. Motroshilova, N. V. (1991) *Rozhdenie i razvitie filosofskih idej: Istoriko-filofskie ocherki i portrety* [The Birth and Development of Philosophical Ideas: Historical and Philosophical Essays and Portraits]. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian).

13. Origen (2008) *O Nachalah* [About the Beginnings] Origen. *O Nachalah. Protiv Cel'sa* [Origen. About Beginnings. Against Celsus]. St. Petersburg: Bibliopolis Publ. Pp. 35–402. (In Russian).

14. Oruell, Dzh. (2003) 1984 [1984] *Orwell. J. Skotnyj dvor. 1984. Pamyati Katalonii Esse* [Orwell. J. Animal Farm. 1984. In memory of Catalonia. Essay]. Moscow: Pushkinskaya biblioteka; AST Publ. Pp. 95–338. (In Russian).

15. Posnov, M. E. (1996) *Do-hristianskij gnosticizm* [Pre-Christian Gnosticism] *Gnostiki ili o «lzheimennom znanii»* [Gnostics or about "false knowledge"]. Kiev: UCIMM; PRESS-ISA Publ. Pp. 125–170. (In Russian).

16. Prido, S. (2020) *ZHizn' Fridriha Nicshe* [Life of Friedrich Nietzsche]. Moscow: KoLibri; Azbuka Attikus Publ. (In Russian).

17. Uspenskij, L. A. (1997) *Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi* [Theology of the icon of the Orthodox Church]. Pereslavl': Izdatel'stvo Bratstva vo imya svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo. (In Russian).

18. Florenskij, P. (2003) *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodiceii* [The Pillar and Ground of Truth: An Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow: AST Publ. (In Russian).

дата получения: 04.12.2022
дата принятия: 23.12.2022
дата публикации: 30.03.2023

date of receiving: 04 December 2022
date of acceptance: 23 December 2022
date of publication: 30 March 2023